

Назаренко Т.Ю.

(Заведующая историческим отделом МГС)

Исправительно-трудовое учреждение на территории Северска. 1949-1976 гг.

История исправительно-трудового лагеря, существовавшего при Управлении Строительства 601 (а потом и в городе Северске) вызывает у горожан немалый интерес. Слишком долго об этом не говорили, кроме того, закрытость учреждения невольно порождает множество жутковатых слухов и сплетен. Тем не менее, есть возможность с достаточной степенью достоверности восстановить эту страницу истории Северска. Основными источниками для написания этой работы являются воспоминания Владимира Николаевича Капорова (в городе Северске с мая 1949 года) и материалы интервью с Павлом Васильевичем Соболевым (прибыл в Северск в 1957 году) и В.Н. Капоровым. К сожалению, некоторые даты, имена и воинские звания не удержались в памяти респондентов, за что они просят прощения у читателей. Также использовались приказы по Строительству 601 и годовые отчеты за 1949-1951 года, хранящиеся в Северском городском архиве, «Акт передачи ИТЛ «А» ОИТК в ведение ИТЛ и Строительства 816 МВД от 27 мая 1949 г.», хранящийся в Государственном Архиве РФ и VI глава готовящейся к изданию книги «История Северска», написанной В. Зыковой.

За двадцать семь лет существования в городе исправительно-трудового учреждения через его подразделения прошли около ста тысяч осужденных. С 1949 года по 1953 оно называлось ИТЛ «ГХ-5», потом - Воронинское ИТЛ, с 1959 года – Воронинское самостоятельное лагерное отделение и, наконец, с 1970 года – Исправительно-трудовая колония ЯУ 114/5.

Мне хотелось бы остановиться на вопросах, которые чаще всего задают посетители Музея города Северска на экскурсиях и лекциях, посвященных существовавшему на территории Северска лагерю.

Кто и когда руководил этой структурой?

С 1949 по 1950 год - подполковник БОРОДОВ М.Г.

С 1950 по 1955 год – подполковник КЛЮШЕВ Анисим Петрович.

С 1955 по 1957 - майор ГУДКОВ Владимир Петрович.

С 1957 по 1959 год - полковник МАЛЮТИН Федор Петрович. В 1959 году лаготделение получило самостоятельность и стало подчиняться непосредственно Главному управлению мест заключения МВД СССР.

С 1959 по 1964 год самостоятельным лагерным отделением руководил подполковник ЕВСТАФЬЕВ Алексей Николаевич.

С 1964 по 1972 год - подполковник СОБОЛЕВ Павел Васильевич.

С 1972 по февраль 1976 года колонией руководил КАПОРОВ Владимир Николаевич.

Личный состав ИТЛ и Инженерно-технический состав лагеря прибывал в основном из Европейской части страны, пройдя предварительную поверку. Среди прибывших было много участников Великой Отечественной войны, в том числе Герои Советского Союза В.И. Кулешов, И.Д. Лимонов, Ф.Л. Трофимов, И.И. Долганов.

Где располагались отделения лагеря, и кто отбывал в нем наказание?

ИТЛ «ГХ-5» был создан на основе материальной базы ИТЛ «А», существовавшего на территории бывшей трудовой коммуны «Чекист» с 1945 года. Контингент, принятый от ИТЛ «А», размещенного на территории современного микрорайона «Чекист» и других переданных ИТЛ «ГХ-5» лагпунктов был мало пригоден по своему составу для намеченного строительства. По «Акту передачи ИТЛ «А» в ведение ИТЛ и Строительства 816» в лагере состояло 4360 человек мужчин и 242 женщины. Большая часть заключенных была либо не годна к тяжелому физическому труду (2260 человек), либо имела третью категорию, то есть имела серьезные ограничения при допуске на работы. Так первую (совершенно здоров, годен к любым работам) категорию имели всего 39 человек. К тому же, основную часть контингента составляли каторжане (3583 человека, из них 1 женщина): лица, осужденные по 58 статье (сотрудничество с оккупантами,

служба в Русской освободительной армии предателя Власова), и потому доверить строительство стратегического объекта государству им не могло. (ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 19. ЛЛ. 109-110). Заключенных из ИТЛ «А» постепенно перевели в Иркутскую область. Не смотря на то, что некоторые старожилы относят отъезд последних политических к более позднему времени, я более склонна доверять сотруднику оперотдела В.Н. Капорову, что все эти люди покинули Строительство в 1950-52 годах. Он так же называет фамилию последнего политического – з/к Богомаза. После реорганизации лагеря требовалось к концу 1949 года увеличить численность заключенных до 10 000 человек, заменить контингент на осужденных за бытовые и уголовные преступления сроком не менее 3 лет. Разумеется, среди заключенных не полагалось быть рецидивистам, уголовным авторитетам. Все условия диктовались утилитарными соображениями. Использование осужденных с малыми сроками нерентабельно: у них отсутствовал стимул к интенсивному труду. «Блатные» запрещают трудиться на благо государства «понятия». Когда в 1959 году вводились новые критерии статуса исправительных учреждений, Воронинское самостоятельное лаготделение получило статус зоны с усиленным режимом. Поскольку вывод в одну рабочую зону заключенных с различными режимами содержания запрещен, то по своему составу контингент подбирали однородный. Респонденты вспоминают, что в лагере было много насильников (срок большой, люди, как правило, молодые и физически сильные). Также сидели в лагере убийцы. По нормам того времени в лагере усиленного режима отряды выводимых на работу заключенных не должны были превышать 120 человек, однако, на практике часто бывали отряды до 150 человек: не хватало персонала. Численность и размещение лагерных отделений, пунктов (входивших в состав отделения) и командировок (временных лагерей, решающих определенную производственную задачу) постоянно менялось. Больше всего их было в 1952 году, когда на строительстве города работали почти 34000

человек. По амнистии от 27 марта 1953 года были освобождены 22 231 человек. После этого часть лагерных отделений были закрыты.

Каждое лагерное отделение выполняло конкретную производственную задачу.

Самым старым отделением стало Лаготделение № 1, расположенное на Чекисте. Оно осталось еще со времен послевоенных. К двум жилым зонам примыкало значительное производство, обслуживаемое заключенными: литейный и механический цехи, имевшие электросварочное и кузнечное отделение. Ремонтно-механический, судостроительный, деревообрабатывающий, лесопильный цехи и лесобиржа. Эти производственные мощности были необходимы разворачивающейся стройке, потому что деревообрабатывающий комбинат был значительно модернизирован. Работы по перестройке выполняли также заключенные. Ими же построены шлакоблочные и деревянные дома поселка Чекист и новое деревянное здание школы.

Лаготделение № 1 было большим, из двух лагпунктов, в которых содержалось до 3 000 человек, и благоустроенным. В Акте приема ИТЛ от 27 мая 1949 года зафиксировано: жилые зоны имели надежное ограждение в виде забора с козырьком из колючей проволоки и предупредительной зоны из 13-15 рядов колючки. Имелся штрафизолятор для нарушителей режима, но ветхий. Заключенные жили в бараках, оборудованных нарами вагонного типа (в два ряда, соединенные попарно) и топчанами, столами, скамейками, бачками для горячей воды, помещениями для хранения вещей и сушилками. Зона оснащалась радиоточкой, действовали парикмахерские, магазин и ларек, сапожно-портновские мастерские. В трех пищеблоках одновременно могли поесть 2700 человек. Имелась баня на 500-600 человек с двумя дезкамерами (в просторечье называвшимися «вошебойками»). Зона даже была благоустроена газонами и цветниками. Правда, в лагере уже тогда не хватало прикроватных тумбочек и умывальников. Медико – санитарная часть лаготделения имела рентгенкабинет, физиокабинет, 6 амбулаторий

(больниц для приема пациентов), 2 медпункта (на шпалопропиточном заводе и в подсобном хозяйстве в Песочках). Стационар имел 6 отделений, среди которых – 1 хирургическое, 2 – туберкулезных и 3 – терапевтические. Обслуживались они собственной больничной кухней с пропускной способностью 1200 человек. Медперсонал по преимуществу состоял из заключенных и каторжан. Вольными были 7 врачей, 2 фельдшера, 1 медсестра, рентгентехник, начальник снабжения и фармацевты, имевшие доступ к препаратам, в том числе – и имеющим наркотические эффекты. (ГАРФ. Ф. 9414. Оп 19. ЛЛ. 91-94). Центральная лагерная больница просуществовала до 1959 года. Во всех лаготделениях велся амбулаторный прием.

Начальниками первого лаготделения, отделения были сначала майор Михаил Иванович Пуговкин, потом майор Завьялов. Первым лагпунктом руководил майор Шлыков Федор Николаевич, вторым – майор Реймер.

Зоны на Шпалопропиточном заводе (его возглавлял капитан Малецкий) и лагпункте на Черемошниках были куда менее благоустроенными. Имелась командировка (временный лагерь, ликвидируемый после выполнения производственной задачи) на Каштаке, где жили женщины, строившие железную дорогу. Начальником лагпункта был майор Кустышев. Впоследствии там же содержались бывшие работники правоохранительных органов, уголовники, отошедшие от воровских традиций, потерпевшие и свидетели по уголовным делам – все, кто мог опасаться расправы со стороны заключенных. Кроме работы на производстве заключенные трех вышеперечисленных зон строили авторемонтный, железобетонных изделий и ремонтно-механический заводы в Томске.

К этому же лаготделению относился и лагпункт в Копылово. Там занимались разработкой бутового камня. Лагпункт был небольшим, около 100 человек, но сидели там злостные нарушители режима. Начальником лагеря был лейтенант Галкин. Позднее лагпункт в Копылово закрывали, потом снова открыли и жили там женщины.

Была еще сельскохозяйственная командировка в Песочках – там работали бесконвойные женщины, и руководил точкой лейтенант Привалов.

Лаготделение № 1 находилось в черте будущего города, потому было реорганизовано с уменьшением количества осужденных и переведено в поселок Кузьминка в 1959 году.

Наиболее значимым местом размещения лагерей стала Парусинка. Название это дал местности начальник оперативного отдела подполковник Гриднев Н.А., когда впервые увидел приготовленные к приему контингента парусиновые палатки. Первоначально в лагерном отделении содержались совместно и мужчины и женщины, что, разумеется, негативно влияло на оперативную обстановку. Позднее лаготделения разделили на мужское (№ 2) и женское (№3). Эта произведенная в ноябре 1950 года реформа вызвала беспорядки. Но даже если заключенные проживали отдельно, на работу их выводили вместе. Что вело к случаям сожительства и беременности женщин-заключенных.

Отступая от основной темы, замечу, что забеременевшая женщина на некоторое время до и после родов освобождалась от работы. Родившая заключенная больше шансов на условно-досрочное освобождение. До двух лет могла находиться со своим ребенком. Потом малыша из имевшегося при лагере Дома малютки переводили в детские дома или передавали родственникам. Мать после освобождения могла забрать его. Условия проживания младенцев в Доме малютки были, по крайней мере, в первые годы, не идеальными: не хватало белья, персонала, свирепствовали болезни. Был год, когда смертность малышей достигал 3,4 % - выше, чем в среднем по ГУЛАГУ (История Северска. Гл. 6).

Но вернемся к лаготделениям на Парусинке. Л/о № 2 просуществовало до 1976 года. В 1952 году его наполняемость была 4000 – 5000 человек. Руководили отделением капитан Филосов, майор Семенов Александр Федорович, капитан Иконников, майор Саломыкин. В 1957 году отделение принял Кукушкин Алексей Григорьевич и возглавлял его до реорганизации в

1959 году. Трудно переоценить вклад заключенных этого отделения в строительство города. Они возводили жилые здания и объекты соцкультбыта от ул. Комсомольской до Солнечной, ими построены 17 школ из 20, детские сады, кинотеатры. Заключенный этого лаготделения Волков, осужденный за валютные операции, выполнил и сейчас радующую глаз лепнину на ДК им. Н. Островского и здании Администрации. А изготовитель фальшивых печатей з/к Новиков выложил мозаичное панно на фасаде Музыкальной школы. Потрудились заключенные этого отделения и на строительстве первого объекта, на так называемой Кружилинской площадке. Они выполняли не только подготовку площади, но и весь цикл монтажных работ до начала установки технологического оборудования.

Женщины из лаготделения № 3 также работали на отделке объектов жилого фонда и соцкультбыта. Женские зоны были ликвидированы раньше мужских. Первым начальником лаготделения № 3 был майор Василий Осипович Ткачев.

Лаготделение № 4 некогда принадлежало Управлению внутренних дел Томской области и называлось ИТК № 6. Располагалось оно на Томске-I, и передано было строительству в 1949 или самом начале 1950 года. Оно служило в качестве карантина для вновь прибывших этапов: мера необходимая. В.Н. Капоров вспоминает, что в 1951 году из Чимкента прибыл этап с ворами, которые не ладили с местными, и произошло жесткое столкновение. Содержались в этом лаготделении и женщины, работали на заводе № 17. Заключенные этого лагеря строили здание Политехнического института на Лагерном саду, студенческие общежития города Томска, расширяли ГРЭС-2, возводили жилые дома в поселке Степановка. Руководили лаготделением майор Ермилин, подполковник Ляшко Лука Венедиктович, подполковник Сонькин Яков Яковлевич, майор Терехов и майор Василий Осипович Ткачев. К этому же отделению относилось и размещенное на Иркутской улице лагподразделение,

заклученные которого строили Кирзавод № 2. Впоследствии отделение № 4 и Кирзавод № 2 были переданы в ОИТУ УВД Томской области.

С 1950 по 1953 год на Кузьминке функционировало лаготделение № 5, в котором содержалось порядка 2000 женщин. Именно они вошли в городские легенды как строительницы северских каналов и дорог. Также они трудились на возведении объектов, строительстве стройиндустрии поселка Кузьминка, а затем – на ее эксплуатации. Руководили лаготделением Гальперин, лейтенант Паханов и подполковник Сонькин Яков Яковлевич. Некоторое время самостоятельное значение имел также женский лагерь «Осинки» в поселке Полянка. Действовал он недолго, и работали заключенные на строительстве каналов.

С 1951 по 1953 годы существовало в пос. Полянка и мужское лаготделение № 6, которым руководил майор Ермилин. Наполняемость его была не менее 2500-3000 человек, которые работали на строительстве ТЭЦ и химвлащадке (10 объект), а также строили жилье для конвойной службы и начальства. После ликвидации лаготделения часть его помещений заняла воинская часть, а в другой половине разместились переведенные с Полянки заключенные лаготделения № 7. Существовало оно с 1951 или 1952 до 1956 года. Руководил им подполковник Черных Г.П. Работали эти заключенные также на химвлащадке и строительстве ТЭЦ.

Отделение № 8 «Лесное» было небольшим: его создали для нужд строительства 15 объекта (1955-1961 годы), с наполняемостью в 1000 - 1200 человек. Начальником его был майор Перцовский.

Кроме того, на Кузьминке существовал с 1955 года небольшой лагерь для злостных нарушителей режима. Наполняемость его была до 150 человек.

Структура исправительного учреждения на территории Северска была типичной. Имелись отделы оперативный, медицинский, интендантский, контрагентский, политотдел, отдел кадров, главная бухгалтерия, канцелярия.

Охраной заключенных занималась конвойная охрана и надзиратели. В ИТЛ «А» имелся дивизион военизированной стрелковой охраны, состоявший в

основном из вольнонаемных, командиром которого был лейтенант Паханов. Позднее лагерь расширился, и первым начальником конвойной охраны ИТЛ «ГХ-5» стал капитан (впоследствии – майор) Ивченко Емельян Михайлович, а начальником штаба – подполковник Чекалин Николай Григорьевич. Именно они организовывали конвойную охрану. Потом его сменил подполковник Беликов Петр Иванович, а начальником штаба стал майор Завьялов А.И. Последним командиром был Иван Павлович Сухов. Отряд конвойной службы впоследствии стал именоваться воинской частью 6614 и передана в состав воинской части 3478. До закрытия колонии ею командовал подполковник Даниэлян Грант Богдасарович.

Караул воинской части осуществлял охрану строящихся объектов. Офицеры воинской части объезжали на машине объекты, осуществляя контроль. Структурно они не подчинялись лагерю и оперативному отделу, но на деле работали в тесном сотрудничестве. Конвой и надзиратели предусматривались штатом. На больших производственных объектах конвой за работающими заключенными осуществлял дежурный офицер и контролерский состав. На небольших объектах - офицер и надзиратель.

Оперативники В.В. Капоров и П.В. Соболев отлично помнят случаи побегов. Обычно подготовленные групповые побеги осуществлялись через подкопы. Особый случай, по воспоминаниям работника оперотдела В.Н. Капорова, составил стихийный побег заключенных Курсикова и Рыбки со стройобъекта «Дельфин». Обнаружив ведущую на берег реки сливную трубу, которая была заварена решеткой, они выломали заграждение и ушли на берег по трубе. Виноват в этом был надзиратель, который не осуществлял контроль за состоянием решетки. Так же был случай, когда со строительства объекта № 45 по сливному лотку бежал заключенный, предварительно узнавший график осуществления слива. Он бежал за ТЭЦ и вышел в не охраняемую зону. Родом этот человек был из Заельцовского района Новосибирской области и пробирался на родину. Однако оперативники отдела вовремя разослали ориентировки, и беглец попался уже почти у себя дома, на краже. С целью

предотвращения будущих побегов в лагерь высылались копии приговоров суда и работники оперотдела зачитывали их перед заключенными.

В целом отмечено, что все побеги были безуспешными: заключенных задерживали в разных местах и судили.

Предотвращение побегов, совершения новых преступлений, поддержание порядка в зоне – обязанности оперативного отдела. В. Н. Капоров и П.В. Соболев вспоминают, что на первых порах в отделе работало 17 человек, включая работников отделов ОБХСС, оперативного, следственного, а также учетной группы, секретаря и машинистки. Кроме того, в каждом лагпункте было три-четыре оперативника. С большим уважением ветераны отзываются о первом руководителе оперотдела подполковнике (впоследствии – полковнике) Николае Акимовиче Гридневе. Этот человек имел немалый опыт службы в ОГПУ-НКВД, прекрасную профессиональную память. Он также показывал, что оперативник не должен гнушаться черновой работой: сам выезжал на следствия. Сотрудники оперативных частей создавали сеть информаторов о нежелательных замыслах заключенных.

Николая Акимовича Гриднева на его должности сменил подполковник Николай Яковлевич Смирнов, а последнего – Михаил Михайлович Зверев. Оба ушли в отставку по состоянию здоровья, и до 1957 года оперативный отдел возглавлял подполковник Королев Алексей Григорьевич. Сменивший его майор Орлов Александр Федорович умер, не проработав и года, и на должность был назначен майор Евстафьев Алексей Николаевич.

Сотрудники отдела предотвращали правонарушения, а в случае их совершения – вели следствие. До 1950 года, санкции на арест выдавала Областная Прокуратура, а в 1950 году были образованы прокуратура (первый прокурор Осыпкин Павел Иванович) и лагерный суд (председатель – т. Тихонов, заместитель – т. Владимирский).

Работа сотрудника оперотдела была полна неожиданностей и опасности. Как уже отмечалось выше, контингент был сложнейший, а в 1952

году имелись неприятные ситуации, вызванные большим притоком заключенных на стройки.

Документ от 2 декабря 1952 года говорит, что на Строительство 601 в нарушение существующих правил было завезено 586 человек уголовно – бандитствующего элемента и 481 человек из числа приграничных и западных районов СССР (украинские и прибалтийские националисты). На этом строительстве использование такого контингента было запрещено. Кроме того, Отдел режима выявил 1000 человек отрицательного контингента. На этот же год приходится раскрытие готовящегося через подкоп побега.

В начале существования лагеря работу оперативного отдела затрудняли и переполненность всех лагпунктов, отсутствие обязательных для всех исправительных учреждений зданий, как штрафные изоляторы, отстойники-карантины для вновь прибывших заключенных, помещения камерного типа (ПКТ - тюрьмы внутри лагеря). После амнистии 1953 года количество заключенных резко сократилось. Но работа от этого не стала менее опасной и сложной. Наоборот, по словам В.Н. Капорова, до амнистии люди были старше. К тому же лагерь отличали по сравнению с другими лагерями системы ГУЛАГ более приемлемые условия – заключенные это ценили.

То, что лагерь обслуживал оборонный объект, не избавляло его от присутствия заключенных с очень опасными наклонностями. Например, на строительстве 18 квартала заключенный Горбунов убил человека. Поджигатель Иван Горбунов, по вине которого в п. Каргасок погибла 1000 голов скота дважды направлялся на судмедэкспертизу, и только после гибели заключенного Тортинского признан невменяемым. «Неужели нужно было, чтобы погиб человек, чтобы принять меры для изоляции Горбунова?» - с горечью отмечает В.Н. Капоров. Или случай в ноябре 1969 года на строительстве 52 квартала. Девятнадцатилетний заключенный Владимир Кочетков, осужденный за убийство на 10 лет, будучи в состоянии алкогольного опьянения пытался уйти из лагеря, грозился «пойти

разделаться» с какой-то Наташей. Надзиратель, молодой неопытный парень, испугался и сбежал. Двое оперативников Владимир Капоров и Вячеслав Войко бросились преследовать беглеца. Оперативники не знали, что он в ладони прячет заточенную отвертку. «Слава замешкался немного, а я нагнал бегущего и хотел сделать подсечку. Тут Володя и ударил меня стилетом», - рассказывает Владимир Капоров. Кочетков был повторно судим и признан особо опасным рецидивистом, получил срок в 15 лет с присоединением неотбытого срока наказания.

Это особенно заметно при личном разговоре, что П.В. Соболев и В.Н. Капоров никогда не забывают: заключенные – в первую очередь люди. «За все время моей работы в лагере у нас не было ни одного случая пересидки,» - с гордостью отмечают они.

Специальный отдел, который осуществлял надзор за строгим соблюдением приговоров – один из важнейших в любом лагере. Именно там учитывались соотношения нормы выработки и системы зачетов рабочих дней. Протоколы о применении рабочих дней утверждались прокурором. Сюда же входило оформление материалов о помиловании, снижение срока наказания, оформление документов на поступающие и убывающие этапы. Особенно важна была работа этого отдела в 1949 году, когда контингент менялся полностью. Вторично большая нагрузка на сотрудников этого отдела пришлась на амнистию 1953 г. Работала постоянная комиссия по условно-досрочному освобождению, была также и наблюдательная комиссия в число членов которой входили представители партийно-советского актива, медицинские работники. Бригады заключенных сводились в отряды, и начальник отряда следил за тем, чтобы вовремя представить человека на комиссию. Обычно, для того, чтобы хлопотать об условно-досрочном освобождении требовалось отбыть примерно 2/3 срока, при этом человек должен был показать примерное поведение и хорошую работу. Бывали и особые случаи. Пять человек были представлены на комиссию и освобождены за подвиг. Когда пассажирский автобус не справился с

управлением и перевернулся, работавшие неподалеку заключенные бросились в воду вытаскивать потерпевших. Именно благодаря им обошлось без жертв. Кстати, подоспевший на место ЧП Первый секретарь ГК КПСС Г.Н. Судобин предоставил свою машину, чтобы развезти промокших людей по домам.

Учитывалось так же и будущее заключенного на свободе. Конечно, спокойнее было, когда на воле человека ждала семья, была надежда на постоянную работу.

Ведь если помнить о том, что в лагере живут и работают люди, то важным становится позаботиться о том, чтобы в их жизни больше никогда не возникла ситуация, когда они снова окажутся на скамье подсудимых.

Культурно-воспитательная часть полагалась в любом лагере. В наследство от ИТЛ «А» ему досталась библиотека в 400 томов, выписывавшая местные и центральные газеты и журналы. Были свои библиотеки и на других лагподразделениях, постепенно, слившиеся в одну. Имелся струнный и духовой оркестр, до 1961-62 годов имелась даже собственная футбольная команда из числа заключенных. Разумеется, ставилась задача не просто отвратить заключенных от желания и дальше идти по криминальной дорожке, но и воспитать их в духе коммунистической морали. Одним из ее проявлений был коллективизм и сознательность. Ее воспитанию содействовали избираемый на общем собрании из числа заключенных Совет коллектива. Возглавлял Совет так же избранный большинством голосов Председатель. Особенно запомнилась работа председателя СК, осужденного за изнасилование з/к Студенкина, в прошлом - инженера. Кроме активной общественной работы этот человек показал себя неплохо и на производстве. Именно его бригада строила здание Музыкального театра. (Впоследствии заключенный Студенкин был досрочно освобожден). Совет собирался регулярно, не реже двух раз в месяц и решал большинство повседневных вопросов. Работали секции Общественного порядка, культмассовая, спортивная, бытовая и по учебе. Наверно, наиболее эффективной для

многих заключенных была работа именно образовательных учреждений: В первую очередь – средней школы. С 1955 года согласно Приказу МВД все осужденные, не имевшие восьмилетнего образования, были обязаны проходить обучение в обязательном порядке. Желающие в возрасте до 50 лет могли получать законченное среднее образование по желанию.

Школа в северском исправительном учреждении просуществовала до 1974-75 годов. Долгое время ее директором работала Валентина Васильевна Черняева, а завучем – Александра Яковлевна Бауск. Работали учителями в ней Екатерина Александровна Ежова, Валентина Петровна Кротова, Нина Ивановна Бурлова, Любовь Ильинична Нижегородова, Нина Георгиевна Крючко. Коллектив был по преимуществу женский, только историю преподавал учитель-мужчина по фамилии Сонькин. Филиал школы действовал в лаготделении на Парусинке. Директором школы была Раиса Григорьевна Гилева. Заключенным было выгодно учиться: это учитывалось при рассмотрении ходатайств об условно-досрочном освобождении. Например, осужденный за тяжкое преступление бригадир сантехников Николай Шурдуков начал учебу с 5 класса и закончил десятилетку. Освобожден был досрочно. Но не стоит думать, что все заключенные использовали этот путь к освобождению. Работать и учиться было под силу далеко не всем, и численность учащихся к концу года заметно снижалась.

Какое образование давала эта школа можно судить уже по тому, что некоторые выпускники, освободившись, поступали в ВУЗы. Так бывший заключенный Леонид Бернацкий поступил в мединститут, Владимир Пильмейстер закончил московский институт электротехники, Давыдов Иван - в институт виноградарства и виноделия, поступили в институты г. Красноярска Владимир Щеголев и Вадим Яковлев. И это – далеко не полный список людей, в дальнейшем получившие высшее образование.

Однако, не менее, а, может быть, и более важным для дальнейшей адаптации в обществе отбывших срок наказания была возможность получения ими рабочих специальностей, востребованных на строительстве. Тут и

каменщики, и плотники, и печники. Приказы по Строительству 601 давали определенные льготы тем, кто собирался обучаться нужной специальности. Обучение велось без отрыва от производства инженерно-техническим составом работников «Химстроя». В 1970 году было открыто ПТУ № 20, которое возглавил Марат Покоев. Готовили в нем маляров-штукатуров, плотников, бетонщиков, каменщиков, слесарей-сантехников, сварщиков. Была возможность получения нескольких специальностей. Училище выдавало соответствующие документы. Но просуществовало оно не долго – до 1974 года. К тому времени уже было ясно, что колония будет реорганизована.

При ИТЛ работал Политотдел, ведущий всю партийно-политическую работу среди личного состава и конвойной охраны лагеря. Политотдел пользовался правами райкома КПСС и был самым многочисленным отделом ИТЛ. Первым руководителем отдела был подполковник ДУБОВИК Яков Мефодьевич, у него в подчинении находились два заместителя (майор Коблик и капитан Гусев), помощником начальника политотдела по комсомолу был мл. лейтенант Сенин. Политотдел функционировал до реорганизации лагеря, а впоследствии коммунисты из этой структуры были переданы на учет в партийный комитет Управления «Химстрой». Политотдел занимался не только работниками лагеря, но и вел работу с заключенными. Для них проводились политинформации, которые по заданию Политотдела готовили все офицеры.

Еще один отдел, деятельность которого заметно сказывалась на жизни заключенных, был Контрагентский. Именно он заключал от имени Управления Строительства договоры на предоставление рабочей силы и заботился о том, чтобы работали заключенным максимально эффективно. Как известно, уже в первый год строительства Северска были изданы приказы, направленные на стимуляцию производительности труда заключенных.

Злостным отказчикам от работы грозила статья 58-14 (саботаж), могли применить и моральное воздействие, поместив в стенной газете имена передовиков и отстающих. Красочный стенд «Крокодил» был организован на высоком уровне. Обо всех случаях перевыполнения плана, награждения передовиков или условно-досрочного освобождения информировали заключенных «Молнии». Но лучшим стимулом для любого человека всегда было материальное поощрение и возможность условно-досрочного освобождения.

Каковы были условия жизни и труда заключенных в лагере?

Создается впечатление, что ИТЛ «ГХ-5» был несколько более благоприятным для отбывания срока наказания, чем многие другие лагеря.

Для стимуляции хорошей работы в лагере применялась гибкая система поощрения заключенных продуктами питания и зачета рабочих дней.

С 28 июня 1949 года перевыполнение месячных норм от 100 до 120 % приводило к тому, что каждый день засчитывался за 1,5 (на вспомогательных работах – 1,25 дня). Перевыполнение на 121-135% - вело к зачету 1 дня как 2 (на вспомогательных – 1,5 дней), от 136 до 150% шел зачет 1: 2,5 (1: 1,75), и от 151% начинался зачет 1:3 (1:2 на вспомогательных работах). К основным работам относились работы на кирпичном заводе, деревообрабатывающем производстве, железобетонном и шлакоблочном заводе, лесозаготовки, погрузочно–разгрузочные работы. Специалисты, чей труд требовал высокой квалификации, имели более низкие процентные нормы при перевыполнении. (АХ. Ф. 2. оп. 1. Д. 1. ЛЛ. 70-71.)

С 1 июля 1949 г. действовал приказ о дифференцированном питании. Всем заключенным паек увеличивался на 25%. Выполняющим норму от 101 до 115% на основных работах полагалось выдавать еще 100 гр. хлеба дополнительно. Выполняющим от 116 – 130% - 100 гр. хлеба, 80 гр. крупы, 15 гр. сахара, 20 гр. мяса и 20 гр. рыбы. При выполнении нормы на 131-150 процентов паек удваивался, в добавок ко всему полагалось уже 200 гр. хлеба сверх выданного. У выполнявших норму больше, чем на 151% паек

утраивался, а хлеба дополнительно давали 300 гр. У работавших на вспомогательных производствах поощрение было на 50% меньше. Рекордисты – бригадам, звеньям, индивидуально работающим, кроме повышенной пайки полагалось и дополнительное питание: пироги, рыбопродукты, за счет экономии на питание в целом. (АХ. Ф. 2. Оп. 1 Д.1. Л. 82). Позднее, 13 августа, нормы питания были увеличены еще раз. (АХ. Ф.2. Оп. 1. Д. 1. ЛЛ. 158-159). В лагере также велось, велось предоктябрьское трудовое соревнование в честь 32-й годовщины Октября, при этом различные подразделения лагеря показали перевыполнение норм на 130 – 170 %. При этом передовикам производства выплатили премию в размере 15-30 рублей. (Приказ № 331 от 27 октября 1949 г. АХ Ф. 2. Оп. 1. д. 2. л. 84.) В 1950 году был «усилен разворот трудового соревнования между бригадами заключенных», проводился обмен опытом, создавались комплексные бригады, обмен опытом и другие методы по улучшению производительности труда. Бригады и звенья, а также отдельные заключенные – передовики регулярно отмечались в «Молниях», некоторые из них были поощрены денежными премиями. По результатам 1951 года 1 700 з/к были награждены грамотами. В те времена это было серьезное поощрение. Некоторые бригады заключенных (бригадиры Чех, Кишняев, Мимохин, Дундукова, Токмаев выполняли план более чем на 180 %, а бригада заключенного Цулукидзе выполнила план на 203%. Естественно, что без поощрения передовики не остались. (АХ. Ф. 2. оп. 1 с. Д. 26. ЛЛ. 165-166). Уделялось внимание и моральному поощрению. Так в конце 3 кв. 1949 года в лаготделении «А» был проведен центральным штабом трудового соревнования слет отличников, на котором присутствовало 250 человек. Из них 190 были отмечены денежной премией, остальным объявили благодарность с занесением в личное дело. (АХ. Ф. 2. оп. 1 с. Д. 8. Л. 16)

С 1 июля 1950 года заключенным стали начислять зарплату, что дало значительный рост производительности труда. (АХ. Ф. 2 оп. 1 с. д. Л. 129). Зарботки, впрочем, были небольшие. Так электрик Бондаренко,

выполнявший план на 247% зарабатывал... 48 руб. 44 копеек, термитчик Сатаков (250%) – 52 рубля 48 копеек, столяр Лохматов (выработка 303 %) – 62 рубля ровно. (АХ. Ф. 2. оп. 1 с. Д. 26. Л. 166.) Для сравнения стипендия студента техникума тех лет была 140–200 рублей, зарплата начинающего специалиста – около 300. Понимаешь, что вольный рабочий, трудившийся с той же эффективностью, подобными суммами не удовольствовался бы. Но для заключенного эти деньги давали возможность заметно улучшить качество своей жизни. Выросла их покупательная активность. Наибольшим спросом в лагерных ларьках пользовались жиры растительные и животные, маргарин, крупы, кондитерские изделия, варенье, джем, карамель, пряники, табачные изделия, махорка. С июля месяца заключенные стали посещать точки общепита, питаясь уже по своему выбору. Пользовались спросом мясные и рыбные блюда, крупяные и порционные блюда. Всего товаров за год было приобретено на 4 900 рублей. (АХ. Ф. 2. Оп. 1 с. д. 17. ЛЛ. 137-138). Позднее в лагере ввели как норму кредит заключенному в размере 8 рублей. Это была необходимая мера, чтобы предотвратить попадание заключенных в зависимость от своих соседей.

Но за образовавшиеся льготы для заключенных надо было платить. Откуда брались эти средства? Приказ от 13 июня 1949 года «О сокращении расходов на содержание контингентов» дает самый исчерпывающий ответ. «В соответствии с указанием Главпромстроя МВД ССР о запрещении включения в стоимость работ плановой стоимости рабочей силы из числа контингентов и отсутствия каких-либо дотаций на их содержание, перед Строительством поставлена задача перевести контингенты на полную самокупаемость». В результате, все контингенты были передислоцированы так, чтобы свести до минимума простой, сокращались штаты лагерной obsługi на 10%. Экономия должна была составить 10%.

Вот некоторые меры. На работу теперь направлялось на 10% меньше людей, чем требовалось для ее выполнения. В результате, каждый заключенный должен был не просто выполнить, а перевыполнить свою норму, чтобы

работа была признанной. Жестко контролировался учет работ, за приписки, непредусмотренные по плану, наказывали и очень сурово. Содержащихся в ШИЗО (Штрафной ИЗОлятор небольшого наполнения. Существовало два режима: с выводом на работу и без вывода. Пайки, выдававшиеся в этом случае заключенным, были различными) в строгом режиме рекомендовалось выводить на работы отдельными бригадами. Рекомендовалась практика оставления бригад до выполнения нормы сверх установленного рабочего дня (а он – под 10 часов!). (Владимир Николаевич Капоров, однако, не помнит случаев, чтобы эта мера применялась, поскольку организовать работу бригады на строительном объекте тяжело. Куда более вероятным было оставление бригады на производстве, работающем в несколько смен).

Оперативный отдел должен был усилить борьбу с промотами и растратами казенного имущества. Систематически проверялось наличие вещдоговория в носке и каптерке, наличие продовольствия. Для того, чтобы заключенные не продавали и не выменивали казенные вещи использовались внезапные проверки наличия вещдоговория у отдельных з/к, обязательное клеймление всех казенных вещей, вшивание в верхнюю одежду бесконвойных полос (клиньев), делавших вещь приметной, обрезка валенок на 10-15 см, промотчики сажались в ШИЗО, получали выговоры. (АХ. Ф. 2 оп. 1 Д. 1. ЛЛ.47-49).

В дальнейшем условия содержания заключенных в лагере продолжали оставаться приемлемыми. В первую очередь это касалось питания заключенных. Так на отходах пищеблоков содержалось стадо свиней, мясо и сало которых, шло на стол заключенных в счет нормы питания.

В документах и памяти работников, как правило, остаются либо передовики производства, либо злостные нарушители. А как в целом выглядели заключенные на фоне остальных работников? Ведь в 1953 году основной рабочей силой на строительстве города становятся военно-строительные батальоны.

По данным, приведенным В. Зыковой в 6 главе «Истории Северска» видно, что стимул к труду у заключенных был ниже, чем у вольнонаемных, но часто работали они более продуктивно, чем солдаты военно-строительных батальонов. Так в целом в 1949 году заключенные вырабатывали 94,3% от плана (вольнонаемные – 115,2, ВСБ - - 100,2%) в 1950 – 111% (соответственно 129,5 и 96,5%), в 1951 109 (137 и 99%). Потом стимулы перестали действовать и выработка пошла на спад: 85,5% при 143 и 84,5%%. В 1953 году заключенные ждали амнистии и работали плохо, выдав 86% (140 и 64%%).

Вывод, который напрашивается из данного материала, очевиден.

Использование труда заключенных в Советском Союзе было нормой и лагеря имели важное хозяйственное значение.

Силами заключенных построена большая часть жилых домов и объектов соцкультбыта города Северска, они участвовали на возведении заводов, жилых домов, корпусов и лабораторий Томского государственного и политехнического университетов города Томска, трудились на необходимом строительству производстве. Потому, празднуя юбилеи города, нельзя вычеркивать из человеческой памяти эти страницы. И чем более подробно мы знаем такие страницы истории, тем меньше остается почвы для создания различного рода легенд, искажающих наше прошлое.